

Л А Х Е С Ъ.

ЛАХЕСЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Протагорѣ и Эвтидемѣ Платонъ разсуждалъ *вообще* о добродѣтели: въ первомъ изслѣдывалъ онъ, можно ли преподавать ее; во второмъ показалъ, какъ понимаютъ и преподаютъ ее софисты. Тѣ же вопросы рѣшаются и въ другихъ ионическихъ разговорахъ; только тамъ, для большаго и подробнѣйшаго раскрытія предмета, добродѣтель разсматривается уже не вообще, а *въ частяхъ* или *видахъ*: въ Лахесѣ, какъ мужество, въ Хармидѣ, какъ рассудительность, въ Эвтифронѣ, какъ святость, въ Иппіасѣ Меньшемъ, какъ справедливость, или противоположное ей — ложь. Недостаётъ конечно отдѣльной бесѣды о мудрости: но мы замѣтили еще въ своемъ введеніи къ Эвтидему, что мудрость у Сократа отнюдь не входила въ рядъ частныхъ добродѣтелей, а почиталась категорическимъ свойствомъ, или отличительнымъ признакомъ всѣхъ, поелику онѣ должны быть выведены изъ круга познаній опытныхъ и утверждены на началѣ всеобщемъ, метафизическомъ ¹. Всякая добродѣтель, училъ Сократъ, въ существѣ своемъ зависитъ отъ твердаго и постояннаго знанія. Хотите ли воспитать дѣтей, обогащайте ихъ умъ различными теоретическими (техническими) свѣденіями,

¹ О природѣ знанія и мудрости Платонъ разсуждаетъ во многихъ разговорахъ, особенно же въ Тезетѣ, Софистѣ и Парменидѣ: но тамъ знаніе не есть добродѣтель въ смыслѣ Сократовомъ.

питайте ихъ душу какими угодно науками, соображаясь съ частною цѣлію разцвѣтающей жизни: однакожь помните, что всѣ свѣденія и науки надобно увѣнчивать одною общею добродѣтелію и соединять у одной общей цѣли. Эта добродѣтель — мудрость, эта цѣль — знаніе добра и зла. Такимъ образомъ всѣ показанные разговоры Платона суть истолкованія одного Протагора: въ нихъ предметъ его раздробляется на части и каждая часть, посредствомъ подробнѣйшаго анализа, возводится къ значенію высшему, благороднѣйшему.

Рядъ частныхъ иѳическихъ бесѣдъ я начинаю Лахесомъ, не потому, что будто бы Лахесъ, какъ утверждаетъ Шлейермахеръ, есть дополненіе къ Протагору, но потому, что онъ болѣе другихъ сходенъ съ послѣднимъ въ характерѣ изслѣдыванія предмета.

Предметъ этого разговора есть мужество. Лизимахъ и Мелисіасъ, сыновья великихъ мужей на воинскомъ поприщѣ, признаются, что воспитаніе ихъ было упущено, что они далеко отстали отъ родителей и, чувствуя это, хотятъ доставить своимъ дѣтямъ самое лучшее образованіе, только не знаютъ, въ чемъ должно состоять оно, недоумѣваютъ, полезно ли въ этомъ отношеніи искусство сражаться въ полномъ вооруженіи, и для того просятъ совѣта у Никіаса и Лахеса. Никіасъ и Лахесъ начинаютъ совѣтовать, но, не имѣя въ основаніи своихъ мнѣній никакого твердаго, положительнаго начала, вступаютъ въ бесполезный, ни къ чему неведущій споръ. Наконецъ въ бесѣдѣ ихъ принимаетъ участіе Сократъ и сообщаетъ ей философскій характеръ. «Если дѣло идетъ о воспитаніи дѣтей, говоритъ онъ; то надобно разсуждать не объ искусствѣ сражаться въ полномъ вооруженіи, а объ образованіи душъ, и прежде изслѣдовать, способенъ ли ктонибудь образовать ихъ». Такъ какъ съ понятіемъ о дѣйствованіи оружіемъ, стоитъ въ ближайшей связи понятіе о мужествѣ; то должно напередъ разсмотрѣть, «разумѣемъ ли мы, что такое мужество, и знаемъ ли какъ оно пріобрѣтается?» Сократъ предполагаетъ рѣшить оба эти вопроса одинъ

за другимъ; но, такъ какъ въ продолженіи всей бесѣды, совѣтники Лизимаха и Мелісіаса не разрѣшаютъ и перваго изъ нихъ, то послѣдній остается вовсе безъ отвѣта.

Цѣль этого разговора высказана въ самомъ разговорѣ. Доведши своихъ собесѣдниковъ до искренняго убѣжденія, что они не понимаютъ значенія мужества, Сократъ заключаетъ: «Я говорю — и мое слово не съ площади — что всѣ мы вообще должны искать самага лучшаго учителя особенно для себя, — ибо имѣемъ въ немъ нужду, — потомъ и для дѣтей. Воспитаніе юношества есть дѣло крайней важности: только глубокое знаніе и живое чувствованіе добродѣтели могли бы сдѣлать человѣка воспитателемъ, достойнымъ своего имени. Но кто обладаетъ подобнымъ знаніемъ? кто постигъ эту мудрость? кто согрѣтъ и проникнуть этимъ чувствомъ? Ты хочешь быть врачомъ душъ? — Уврачуй-ка прежде самага себя.

Сообразуясь съ такимъ предметомъ и цѣлью бесѣды, Платонъ избралъ собесѣдниками Сократа двухъ знаменитыхъ полководцевъ, Лахеса и Никіаса, и придалъ имъ не только разные характеры, но и разносторонніе взгляды на мужество. Можно думать, что черты, которыми у Платона изображены эти лица, были общими типами всѣхъ людей военнаго званія въ Греціи и, по свойству своему, раздѣляли ихъ на два класса. Одни изъ нихъ поставляли мужество въ личной храбрости и, питая свое самолюбіе этимъ преимуществомъ, пренебрегали всякою наукою. Наука въ военномъ дѣлѣ казалась имъ бесполезною; знаніе представлялось лишнею ношею солдата; добродѣтель почитали они стихіею, чуждою той атмосферы, въ которой надобно жить и дѣйствовать воину. Сила, неустрашимость, твердость, — вотъ единственные его качества: человѣку, со всѣми прекрасными принадлежностями существа разумнаго, не нужно быть тамъ, гдѣ свирѣпствуетъ бой дикихъ звѣрей. Такимъ-то воиномъ-полководцемъ Платонъ изображаетъ Лахеса, и только природное остроуміе, прямота души, сердечная откровенность,

рѣшительный тонъ, а особенно готовность слушать истину, какъ будто показываютъ его расположеніе къ наукѣ. Напротивъ другіе поставляли мужество болѣе въ зависимости отъ искусства и знанія, чѣмъ отъ личной неустрашимости. Къ этому разряду военныхъ людей относились особенно тѣ, которые съ молодыхъ лѣтъ находились въ обществѣ софистовъ и философовъ, возрастали подъ вліяніемъ ихъ наставленій, любили теорію стратегіи и въ ея теоріи видѣли все превосходство воина. Получивъ кое-какія начала, наслышавшись частныхъ мнѣній, но не усвоивъ ихъ собственнымъ размышленіемъ, они довольствовались простымъ, бесплоднымъ знаніемъ, не думали вводить его въ сферу жизни, и не умѣли прилагать его къ дѣлу. Такимъ-то ученымъ полководцемъ въ разсматриваемомъ разговорѣ представляется Никіасъ. Щегольство мнѣніями мудрецовъ, стараніе выказать свою любовь къ наукѣ и обращеніе съ людьми, славившимися умомъ и познаніями, суть отличительныя черты его характера.

Главные моменты содержанія бесѣды, носящей имя Лахеса, суть слѣдующіе:

1. Прологъ. Личныя отношенія разговаривающихъ лицъ; поводъ, по которому онѣ сошлись, или совѣщаніе о томъ, нужно ли юношамъ умѣть сражаться въ полномъ вооруженіи.

2. Доказательства Никіаса, что знаніе это искусство дѣлать весьма полезно въ различныхъ случаяхъ.

3. Мысль Лахеса, что искусство сражаться всякимъ оружіемъ едва ли можно назвать искусствомъ, или наукою.

4. Сократъ избирается посредникомъ между двумя спорящими сторонами, но уклоняется отъ посредничества и предлагаетъ избрать того, кому болѣе извѣстенъ предметъ изслѣдованія.

5. Потомъ онъ замѣчаетъ превратное направленіе дѣла и говоритъ, что надобно разсуждать не объ искусствѣ сражаться всякимъ оружіемъ, а о душахъ юношей, и разсужденіе предоставить тому, кто опытнѣе въ образованіи душъ.

6. Никіасъ объявляетъ, что когда давать направленіе разговору поручается Сократу; то испытанію подвергнуты будутъ не юноши, а собесѣдники.

7. Установленіе дѣйствительнаго предмета бесѣды (понятіе о мужествѣ). Если мы хотимъ сдѣлать кого-нибудь лучшимъ; то прежде сами должны знать, въ чемъ состоитъ существо добра.

8. Если мы хотимъ сдѣлать юношей лучшими въ добродѣтели; то необходимо разсмотрѣть, что такое добродѣтель, или по крайней мѣрѣ, что такое часть ея, мужество.

9. Рѣшеніе Лахеса, что добродѣтель есть твердость, или непоколебимость души, запутывается въ противорѣчія и опровергается.

10. Рѣшеніе Никіаса, что добродѣтель есть знаніе, чего должно бояться и на что отваживаться.

11. Опроверженіе Никіасова мнѣнія. Всякое знаніе обнимаетъ свой предметъ въ трехъ временахъ, а Никіасово понятіе о мужествѣ указываетъ только на время будущее. Если же распространить его на всѣ времена; то подъ именемъ мужества надобно будетъ разумѣть добродѣтель вообще.

12. Эпилогъ. Всѣ признаютъ себя неспособными разрѣшить вопросъ, въ чемъ состоитъ мужество, и Сократъ заключаетъ, что надобно прежде образовать самихъ себя, а потомъ уже приступить къ образованію дѣтей.

Вникая въ ходъ разсматриваемаго разговора и обращая вниманіе на характеръ частныхъ, содержащихся въ немъ мыслей, мы нигдѣ не видимъ достаточнаго основанія согласиться съ Астомъ, что эту бесѣду надобно почитать подложною, и что она будто бы есть отвѣтъ на упрекъ: для чего Платонъ въ Протагорѣ заставилъ Сократа говорить о мужествѣ, когда этотъ предметъ ему неизвѣстенъ и когда разсуждать о немъ приличіе полководцамъ? Астъ утверждаетъ, что содержаніе Лахеса взято изъ Протагора, и что Сократъ въ первомъ изъ этихъ разговоровъ противорѣчитъ собственнымъ положеніямъ во второмъ. Какъ понимать это? Въ Про-

тагорѣ дѣйствительно говорится между прочимъ о мужествѣ, и Сократъ приходитъ тамъ къ заключенію, что мужество есть знаніе страшнаго и нестрашнаго. О томъ же идетъ рѣчь и въ Лакесѣ. Но мысль Сократа, что мужество есть знаніе того, чего должно бояться и на что отваживаться, становится здѣсь уже мыслию Никіаса и какъ будто опровергается Сократомъ, который, вопреки Никіасу, наконецъ заключаетъ, что если мужество есть знаніе, а знаніе обнимаетъ всѣ три времени, настоящее, прошедшее и будущее, то быть мужественнымъ, значить быть вообще добродѣтельнымъ. Чтожъ? въ этомъ заключеніи я отнюдь не вижу противорѣчія съ заключеніемъ Сократа въ Протагорѣ. Въ немъ мужество подведено только подъ категорію знанія; а въ Лакесѣ Сократъ, не противорѣча прежнему, идетъ далѣе и подводитъ знаніе подъ категорію добродѣтели вообще; такъ что изъ заключеній этихъ двухъ разговоровъ составляется слѣдующій силлогизмъ: всякое знаніе — напр. страшнаго и нестрашнаго — есть добродѣтель вообще (по Лакесу); а мужество есть знаніе страшнаго и нестрашнаго (по Протагору); слѣдовательно мужество есть добродѣтель вообще (опять по Лакесу). Такимъ образомъ Лакесъ есть дальнѣйшее раскрытіе одного изъ ученій, содержащихся въ Протагорѣ.

Не болѣе справедливо замѣчаніе Аста, что въ Лакесѣ не кстати и, какъ будто слишкомъ унижительно, изображаются два знаменитые полководца Греціи. Зачѣмъ смотрѣтъ на жизнь и взаимныя отношенія Эллиновъ съ нашей, новоевропейской точки зрѣнія! То, что теперь кажется унижительнымъ и неприличнымъ, тогда, какъ видно, было въ обычаяхъ и основывалось на внутренней организаціи народа. Исторія свидѣтельствуетъ, что сословія Эллинскихъ республикъ не были такъ далеки одно отъ другаго, какъ это представляется намъ, нерѣдко опирающимся не на личныхъ достоинствахъ, а на почетности того званія, къ которому принадлежимъ. При томъ, Никіасъ и Лакесъ бесѣдуютъ не на Аѳинской площади, не въ народномъ собраніи, а въ семейномъ кругу,

въ обществѣ друзей, гдѣ и у насъ не всегда идутъ въ расчетъ ранги, степени и политическія преимущества.

Болѣе уважительныя причины, заставляющія критиковъ сомнѣваться въ подлинности Лахеса, заключаются во внутреннемъ достоинствѣ этого разговора и въ его языкѣ. Лахесъ безъ сомнѣнія не столько искусственъ, тонокъ и оригиналенъ, сколько Протагоръ; въ немъ какъ-то болѣе простоты, менѣе драматизма и движенія. Но должно вспомнить, что Сократъ бесѣдуетъ здѣсь не съ софистами, а съ полководцами. Естественно ли было бы, когда бы Платонъ заставилъ Никіаса и Лахеса распутывать хитросплетенные узлы діалектики, или Сократа — говорить такимъ языкомъ, какой, по всей вѣроятности, не могъ быть понятенъ для людей военныхъ? Простое, безыскусственное развитіе разговора, а особливо непрерывный рядъ истинъ, собственно сократическихъ, скорѣе могутъ привести насъ къ заключенію, что Платонъ написалъ своего Лахеса еще въ молодости и даже прежде, нежели появился на свѣтъ его Протагоръ. Нельзя также не замѣтить, что многія мысли и выраженія въ Лахесѣ какъ будто взяты изъ другихъ разговоровъ Платона, напр. формулы (181. С.) *χρῆν μὲν — μὴ ἄλλως ποιεῖ, ἀλλὰ συνίσθαι* — изъ Государства 328. С. D.; мысль о гармоніи въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ (188. D.) также изъ Государства 398. E. 591. С. D.; взглядъ на Лакедемонъ, какъ *ἄβατον ἱερὸν* (183. E.) приводитъ на память *ξενηλασίαν*, которая такъ обстоятельно описана въ Протагорѣ 342. С.; выраженія *μὴ ἄλλως ποιεῖ* (181. С. 201. С.), *καὶ ἄλλως καὶ δὴ καὶ* (181. A.) встрѣчаются то въ Государствѣ 328. D. 338. A., то въ Федонѣ; отзывъ Лахеса о мужествѣ Сократа въ делоскомъ сраженіи (181. B.), по видимому, взятъ изъ Платонова Пира 221. A., гдѣ сказано: *ἀνεχώρει οὖν — αὐτός τε ἄμα καὶ Λάχης*, тогда какъ здѣсь говорится: *ἐν γὰρ τῇ ἀπὸ Δηλίδος φυγῇ μετ' ἐμοῦ συνανεχώρει*; метафоры, заимствованныя отъ охоты и ловли, какъ напр. *διέφυγεν, κυνηγέτην μεταθεῖν* (194. B.) указываютъ на нѣкоторыя мѣста въ Парменидѣ 128. С, Софистѣ 226. B, Государствѣ 301. E. и Эвти-

демъ 290. В. С. D; равнымъ образомъ, *χειμαζομένοις ἐν λόγῳ καὶ ἀποροῦσι* (194. В.) встрѣчается въ Филебѣ 29. В. *χειμαζόμεθα γὰρ ὄντως ὑπ' ἀπορίας ἐν τοῖς νῦν λόγοις*. Такихъ выраженій, которыя какъ будто взяты изъ другихъ разговоровъ Платона, въ Лакесѣ вообще весьма много. Основываясь на этомъ, Астъ заключаетъ, что Лакесъ есть произведеніе одного изъ Платоновыхъ подражателей. Но подобная мнительность, по нашему мнѣнію, выходитъ за предѣлы самой строгой критики. Можно ли требовать, чтобы писатель въ одномъ и томъ же родѣ, въ одной и той же формѣ своихъ сочиненій не повторилъ нѣсколько разъ одной и той же фразы, поговорки, пословицы? Сродство языка въ извѣстныхъ сочиненіяхъ, кажется, болѣе должно ручаться за ихъ подлинность и происхожденіе отъ одного лица, чѣмъ вести къ мысли о подложности котораго нибудь изъ нихъ. Подражаніе узнать не трудно: соблюдая внѣшнія черты подлинника, оно всегда ниже его по внутреннему своему характеру. Удачно подражать можно только тому, что поверхностно и пусто въ содержаніи.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ЛИЗИМАХЪ, МЕЛИСІАСЪ, НИКІАСЪ, ЛАХЕСЪ, СЫНОВЬЯ ЛИЗИМАХА И МЕЛИСІАСА И СОКРАТЬ.

Лиз. Вы, Никіасъ и Лახесъ, видѣли того человѣка, ко- 178.
торый сражается въ полномъ вооруженіи ¹: но я и Мели-
сіасъ еще не сказали вамъ, для чего пригласили васъ съ
собою посмотрѣть на него; а теперь скажемъ. Мы, думаю,
можемъ откровенно бесѣдовать съ вами. Вѣдь иные смѣются
надъ подобными вещами, и когда кто нибудь просить у нихъ
совѣта, не открываютъ своихъ мыслей, но стараюсь уга-
дать, что мыслить совѣтующійся, говорятъ противъ соб-
ственнаго убѣжденія: напротивъ вы, по нашему мнѣнію,
способны и понять, и понявъ, откровенно высказать, что
думаете. По тому-то мы и пригласили васъ на совѣтъ объ

¹ *Который сражается въ полномъ вооруженіи, μαχόμενος ἐν ὅπλοις.* Что это за искусство сражаться въ полномъ вооруженіи? и правильно ли перевели мы выраженіе: ἐν ὅπλοις μάχεσθαι? Въ Эвтидемѣ ὀπλομαχία переведено словомъ фехтованье: но фехтовать у Грековъ значило не то, что у насъ; потому что Греки употребляли въ сраженіи не такое оружіе, какое употребляемъ мы. По свидѣтельству *Казавбона* (*Fischer. ad Charm. p. 79*), ὀπλομάχοι были во первыхъ тѣ, которые, подъ руководствомъ военнаго офицера, учились сражаться дѣйствительнымъ оружіемъ (*veris armis*), во вторыхъ тѣ, которые преподавали это искусство. Но Казавбонovo показаніе неопредѣленно и, кажется, только вполнину справедливо; потому что греческое юношество ἐν ὀπλομαχία, какъ извѣстно, дѣйствовало не настоящимъ оружіемъ, а тупыми или закругленными копьями (*pila pæripilata*), которыя назывались ἐσφαιρομένα ἀκόντια. Намекъ на другое значеніе слова ὀπλομαχία мы находимъ у Ксенофонта (*Ἀναβάσ. Л. II. 1. 7*). Упомянувъ о какомъ-то Фалинѣ, онъ говоритъ: *προσέποιετο ἐπιστήμων εἶναι τῶν περὶ τὰς τάξεις καὶ ὀπλομαχίαν.* Основавшись на этомъ выраженіи, Винкельманъ (*prolegg. ad Euthyd. p. XXXVIII*) утверждаетъ, что

одномъ предметѣ, о которомъ тотчасъ объявимъ вамъ. Дѣло, начинаемое мною такъ издалека, состоитъ въ слѣдующемъ.

379. Здѣсь съ нами сыновья наши: вотъ этотъ—его, называющійся, по имени своего дѣда, Фукидидомъ; а этотъ — мой, носящій также дѣдовское имя отца моего, названіе его—Аристидъ. На насъ лежитъ обязанность заботиться о нихъ сколько можно болѣе, а не поступать подобно многимъ, которые, какъ скоро дѣти подросли, позволяютъ имъ дѣлать, что хотятъ. Потому мы теперь же намѣрены начать свое посильное о нихъ попеченіе. Зная, что и у васъ есть сыновья, вы конечно болѣе, чѣмъ кто нибудь, беспокоились, какъ бы дать имъ воспитаніе и сдѣлать ихъ отличными. Если же въ вашемъ умѣ часто не было и мысли объ этомъ; то напоминая вамъ, что нерадѣніе въ этомъ отношеніи противорѣчитъ долгу, мы просимъ васъ приложить, вмѣстѣ съ нами, нѣкоторое стараніе къ пользѣ дѣтей. А откуда это пришло намъ въ голову, послушайте, Никіасъ и Лахесъ, хотя рѣчь будетъ и немного длинна. Я и Мелисасъ, видите, имѣемъ общій столъ; съ нами кушаютъ и дѣти. Мы будемъ, какъ я уже сказалъ, бесѣдовать съ вами откровенно. Каждый изъ насъ можетъ этимъ юношамъ рассказывать о своемъ родителѣ много прекрасныхъ дѣлъ, которыя онъ совершилъ частію въ военное, частію въ мирное время, заботясь о пользѣ то союзниковъ, то сограж-

подъ словомъ *ὀπλομαχία* надобно разумѣть вообще военную тактику. Но этому мнѣнію противурѣчитъ разсужденіе Никіаса въ Лахесѣ (р. 182. В). То же мѣсто въ Ксенофоновомъ отступленіи Шнейдеръ и Борнеманъ объясняютъ иначе и, кажется, удовлетворительнѣе, нежели Винкельманъ. Они говорятъ, что Персы употребляли такое оружіе, которымъ можно было бы сражаться издали, потому что ничѣмъ, кромѣ щита, не закрывали своего тѣла: напротивъ Греки вступали въ битву, вооружившись мечемъ, защитивъ грудь латами, голову шлемомъ, ноги сапогами. Такимъ-то родомъ битвы особенно гордился Фалинъ и въ этомъ искусствѣ былъ учителемъ варваровъ. Если это замѣчаніе справедливо; то *ὀπλομαχίαν* *προσομολογεῖν*, или *ἐν ὀπλοῖς μάχεσθαι* значило: быть вооруженнымъ съ головы до ногъ и сражаться, употребляя всякое оружіе. По Атенею (IV. 13. р. 154. Е), этому искусству прежде всѣхъ училъ нѣкто Демеасъ, мантинейскій фехтмейстеръ; но потомъ преподавали его и софисты. *Plat. Euthyd. p. 271. E. Xenoph. memor. III. 1.*

данъ ¹: о собственныхъ же своихъ дѣлахъ ни ему ни мнѣ рассказать нечего. По этому мы теперь стыдимся своихъ дѣтей и обвиняемъ отцовъ, что намъ, во время нашего D. дѣтства, они позволяли баловаться ², а дѣла чужія исполняли. Это-то слышатъ отъ насъ и наши юноши. Если вы не будете радѣть о себѣ и повиноваться намъ, говоримъ мы имъ, то останетесь безславными; а когда позаботитесь, то скоро окажетесь достойными тѣхъ именъ, которыя носите. Вотъ они и готовы повиноваться; но мы все-таки изслѣдуемъ, чему учась и чѣмъ занимаясь, можно бы имъ сдѣлаться людьми отличными. Нѣкто одобрялъ намъ и эту E. науку, что то-есть хорошо юношѣ умѣть сражаться въ полномъ вооруженіи, хвалилъ того человѣка, который нынѣ показывалъ вамъ себя, и предлагалъ посмотрѣть его. По тому-то мы признали нужнымъ и сами пойти на это зрѣлище, и васъ пригласить, вмѣстѣ какъ зрителей и совѣтниковъ, или, когда угодно, участниковъ въ попеченіи о нашихъ сыновьяхъ. Вотъ что хотѣли мы сообщить вамъ. Теперь ваше дѣло дать свой совѣтъ и объ этой наукѣ, 180. должно ли заниматься ею, или нѣтъ, и одругихъ, которыя найдете полезными для юноши, и, можетъ быть, о самомъ сообществѣ ³.

¹ Извѣстно, что Аристидъ былъ первымъ генераль-провіантмейстеромъ и казначеемъ союзныхъ войскъ. Заботливость о пользѣ союзниковъ къ нему-то здѣсь преимущественно и относится.

² Позволяли баловаться, εἶναι τρυφᾶν. Этому признанію, повидимому, противорѣчатъ слова Платона въ Менонѣ р. 94. А: ἄλλον δὲ δὴ σκεψόμεθα, Ἀρισταίδην τὸν Λυσιμάχου.—Οὐκοῦν καὶ οὗτος τὸν υἱὸν τὸν αὐτοῦ Λυσιμάχου, ὅσα μὲν διδασκάλων εἴχεται, κάλλιστα Ἀθηναίων ἐπαίδευσεν. Но Платонъ какъ въ Менонѣ, такъ и въ Лакесѣ имѣеть въ виду нравственную цѣль воспитанія. По его ученію, всякое знаніе тогда только цѣнно, когда оно содѣйствуетъ къ улучшенію нравственной стороны человѣка. Лизимахъ конечно могъ быть наученъ всему, что обыкновенно преподаютъ учителя, и не смотря на то, оставаться съ самымъ дурнымъ сердцемъ. Есть и въ наше время много людей чрезвычайно образованныхъ, въ которыхъ однакожъ Сократъ не нашелъ бы и тѣни добродѣтели. Вотъ этого-то дара ни отцы, ни учителя не въ состояніи были передать имъ. Одни только врачи душъ могли бы сообщить его.

³ О самомъ сообществѣ, περὶ τῆς κοινωρίας, то-есть о томъ, кому посоветуете вы вѣрить нашихъ дѣтей, — съ какими учителями должны они обращаться.

Ник. Я одобряю вашу мысль, Лизимахъ и Мелисіасъ, и готовъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Думаю, что и Лахесъ не откажется.

В. Лах. И справедливо думаешь, Никіасъ. Что Лизимахъ говорилъ о родителяхъ—своемъ и Мелисіасовомъ, то весьма кстати можно сказать не только о нихъ, но и о насъ, и о всѣхъ, на комъ лежатъ общественныя должности. Со всѣми ими бываетъ почти тоже, что мы отъ него слышали: то-есть, они не радятъ, не заботятся о дѣтяхъ и частныхъ своихъ дѣлахъ ¹. Это хорошо сказано, Лизимахъ. Но я удивляюсь, почему, приглашая насъ на совѣтъ о воспитаніи юношей, ты не приглашаешь Сократа. Во-первыхъ, онъ землякъ твой ²; во-вторыхъ, онъ всегда участвуетъ въ тѣхъ бесѣдахъ, въ которыхъ разсуждаютъ о предметахъ, подобныхъ твоему, то-есть о наукахъ и занятіяхъ, свойственныхъ дѣтямъ.

Лиз. Что ты говоришь, Лахесъ? Сократу ли думать о такихъ вещахъ?

Лах. Конечно, Лизимахъ.

Ник. Объ этомъ-то и я могу сказать тебѣ не хуже Лахеса. Сократъ недавно познакомилъ со мною Агаѳокла ³, ученика Дамонова, учителя музыки для моего сына, — и чтожь? Агаѳоклъ оказался не только пріятнымъ музыкантомъ ⁴, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достойнымъ собесѣдникомъ юношей.

¹ Обращая вниманіе на семейную жизнь Сократа, не лзя не обвинять и его въ тѣхъ же самыхъ слабостяхъ. Извѣстно, что онъ весьма мало заботился о женѣ и дѣтяхъ (*Xenoph. Symp. II. 10. Plat. Phædon. p. 60*) и, живя только для философіи, пренебрегалъ домашними обстоятельствами (*Plat. Apol. p. 23*). Сократъ тѣмъ менѣе извинителенъ, что онъ даже не несъ и общественной службы. Впрочемъ, что касается до нравственнаго воспитанія дѣтей, то въ упущеніи его бываетъ виновата не служба, а личныя качества родителей, ихъ частныя понятія о добрѣ и злѣ, приличіи и неприличіи, пользѣ и вредѣ, — вообще собственныя ихъ нравственныя и религіозныя свойства.

² *Онъ землякъ твой, βυγα δημότης.* По свидѣтельству Плутарха (*v. Pericl. p. 68. В.*), Сократъ, Аристидъ и Фукидидъ были изъ дѣмы Алопекской.

³ Объ Агаѳоклѣ см. прим. къ Протаг. р. 316 Е.

⁴ *Пріятный музыкантъ, ἀνδρῶν χαρίεστατος οὐ μόνου τῆν μουσικῆν. Χαρίεντες*

Лиз. Но такіе старики, каковъ я, Сократъ, Никіасъ и Лахесъ, не знаютъ молодыхъ людей; потому что, за старостію, сидятъ большею частію дома. Если же и ты, сынъ Софрониска, можешь дать своему земляку добрый совѣтъ, Е. то посовѣтуй: да и слѣдуетъ; вѣдь ты мой родовой другъ; я и отецъ твой всегда были пріятелями и друзьями, и онъ умеръ прежде, чѣмъ между нами произошла какая-нибудь размолвка. Кстати теперь мнѣ пришли на память нѣкоторыя слова: ребята мои, разговаривая между собою дома, часто упоминаютъ о Сократѣ и очень хвалятъ его; но мнѣ никогда не случалось спросить ихъ, не о сынѣ ли Софронисковомъ говорятъ они. Скажите-ка, дѣти, не это ли тотъ 181. Сократъ, о которомъ вы всякій разъ упоминаете?

Сынъ. Это онъ и есть, батюшка.

Лиз. О, прекрасно, клянусь Ироу, Сократъ, что ты вообще оправдываешь своего отца, отличнѣйшаго изъ людей, и особенно оправдаешь его, когда будешь обращаться съ нами, а мы съ тобою, по домашнему.

Лак. То-то, Лизимахъ; не отпускай-ка этого человѣка: я, да и многіе видѣли, что онъ оправдываетъ не только отца, но и отечество. Во время бѣгства отъ Делоса, мнѣ в. случилось путешествовать вмѣстѣ съ нимъ,—и говорю тебѣ, что еслибъ и другіе хотѣли быть подобными ему, наша республика была бы права, на нее не пало бы тогда столь позорное пятно.

Лиз. Хороша похвала, Сократъ, когда хвалятъ тебя люди, достойные вѣроятія, и за такое дѣло, какъ это. Знай же, что я радуюсь, слыша о заслуженномъ тобою мнѣніи, и будь увѣренъ въ моемъ расположеніи къ тебѣ. Тебѣ и прежде с. надлежало бы посѣщать насъ и по праву считать своими домашними; а теперь, съ этого дня возобновленія стариннаго нашего знакомства, не иначе поступай, но будь съ нами

вообще — люди пріятные въ обществѣ, а въ отношеніи къ музыкѣ, ихъ можно назвать такими артистами, въ игрѣ которыхъ не столько оригинальности и изобрѣтательности, сколько легкости и пріятности въ исполненіи.

коротокъ, сблизься и со мною, и съ этими юношами, чтобы сохранить родовую нашу дружбу. Если такъ будешь дѣлать, то мы станемъ еще чаще вспоминать о тебѣ. Что же D. скажете вы о томъ, съ чего было начато? какъ думаете? годится ли дѣтямъ, или нѣтъ, наука сражаться въ полномъ вооруженіи?

Сокр. Попытаюсь, Лизимахъ, дать совѣтъ, какой могу, о предложенномъ предметѣ, и сдѣлать все, къ чему меня приглашаешь. Но такъ какъ я моложе этихъ мужей и не столько опытенъ, какъ они; то мнѣ, думаю, приличнѣе сперва послушать, что они скажутъ, и поучиться у нихъ, а потомъ, если представится нѣчто отличное отъ ихъ словъ, предложить собственное мнѣніе и сообщить его тебѣ и дѣтямъ твоимъ. Итакъ не угодно ли, Никіасъ, начать кому нибудь E. изъ васъ ¹.

Ник. Ничто не мѣшаетъ, Сократъ. Изучать юношамъ эту науку, кажется, полезно во многихъ отношеніяхъ. Имъ хорошо свободное время проводить не въ другихъ занятіяхъ, 182. до которыхъ они бывають охотники, а въ этомъ: чрезъ такое занятіе они непременно укрѣпляютъ свое тѣло; потому, что тутъ нуженъ трудъ не слабѣе и не менѣе всякаго гимнастическаго упражненія. При томъ, это движеніе и верховая ѣзда особенно приличны свободному человѣку; потому что мы бываемъ атлетами только на томъ поприщѣ, и только то поприще намъ указывается, съ военными орудіями коего ознакомились посредствомъ прежнихъ гимнастическихъ V. упражненій. Сверхъ того, эта наука будетъ полезна и во время самой битвы, когда въ ширенгѣ понадобится сражаться со многими; а особенно должно ожидать отъ ней пользы, когда ряды разстроятся и уже нужно будетъ драться одинъ на одинъ, или преслѣдуя защищающагося непріятеля, или защищая себя въ бѣгствѣ отъ его преслѣдованія.

¹ Не угодно ли начать..... кому-нибудь изъ васъ, τί οὐ λέγει πότερος ὑμῶν; Πότερος, по свидѣтельству Исихія, часто употребляется вмѣсто ἐν ἑκ δούτῳ, см. Sophist. p. 264. D. Legg. XI. p. 914. C. et al. О вопросительной рѣчи, вмѣсто повелительной, см. примѣч. къ Протагору.

Кому извѣстно это знаніе, тотъ ничего не потерпитъ не только отъ одного, но, можетъ быть, и отъ многихъ; напротивъ, съ помощію его всегда будетъ брать верхъ. Наконецъ, оно можетъ возбудить расположеніе и къ другимъ похвальнымъ знаніямъ; ибо кто умѣетъ сражаться въ полномъ вооруженіи, тотъ захочетъ знать и прочее, относящееся къ строю; а перенявъ это и гордясь своимъ искусствомъ, успѣетъ и во всемъ, что входитъ въ должность военнаго начальника. Теперь ясно, что дѣти, обладающіе этою наукою, изучать и усвоятъ себѣ всѣ прочія, все похвальное и достойное человѣка пытливаго, все, къ чему ведетъ означенная наука. Прибавимъ къ этому еще одно не маловажное обстоятельство, что такое знаніе каждому во время войны вдохнетъ болѣе смѣлости и мужества, чѣмъ сколько кто имѣлъ прежде. Да и тѣмъ нельзя пренебрегать, — хотя иному это кажется и бездѣлицею, — что она сообщаетъ D. человѣку хорошую выправку, гдѣ надобно показаться молодцомъ, а непріятелямъ тою же самою выправкою внушаетъ страхъ. И такъ, по моему мнѣнію, Лизимахъ, юноши должны учиться этому, и причины уже извѣстны. Теперь я съ удовольствіемъ послушалъ бы Лахеса, если онъ имѣетъ сказать нѣчто кромѣ этого.

Лак. Трудно найти искусство, Никіасъ, которому не слѣдовало бы учиться; потому что хорошо знать все. Надобно конечно знать и то, какъ сражаться въ полномъ вооруженіи, E. если только это, по словамъ учителей и Никіаса, есть дѣйствительно наука: а когда не наука, когда выдающіе себя за ея преподавателей обманываютъ насъ, или когда это и наука, но нестоящая вниманія; то къ чему изучать ее? Я говорю такъ, основываясь на слѣдующемъ. Если бы умѣнье сражаться въ полномъ вооруженіи походило на науку; то оно, мнѣ кажется, не скрылось бы отъ Лакедемонянъ, которые во всю свою жизнь заботятся единственно объ отысканіи и пріобрѣ- 183. теніи того, чѣмъ воспользовавшись, могли бы побѣждать другихъ на войнѣ. Но какъ скоро Лакедемоняне не знаютъ

этой науки; то преподавателямъ ея должно бы знать, что они, гораздо болѣе прочихъ Эллиновъ, любятъ подобныя занятія, и что оцѣненный ими въ этомъ отношеніи, какъ и трагикъ, оцѣненный нами, собралъ бы много денегъ и у другихъ Грековъ. По этому, кто почитаетъ себя хорошимъ писателемъ трагедій; тотъ не странствуетъ за предѣлами Аттики, чтобы показать свое искусство въ другихъ городахъ, но тотчасъ идетъ сюда и здѣсь даетъ свои представленія: такъ и должно быть ¹. Напротивъ для людей, сражающихся въ полномъ вооруженіи, Лакедемонъ, какъ видно, есть недоступное святилище, куда они не смѣютъ занести и ногу, а только ходятъ вокругъ его границъ, показывая свою науку каждому и даже тѣмъ, которые сами сознаются, что между ими многіе, въ знаніи военнаго дѣла, превосходнѣе этихъ учителей. При С. томъ, мнѣ случалось, Лизимахъ, быть съ нѣкоторыми изъ такихъ людей на самомъ дѣлѣ, — и вижу, что они значатъ. Да можно судить и по тому, что изъ всѣхъ искусниковъ сражаться въ полномъ вооруженіи, будто нарочно, ни одинъ не прославился на войнѣ; между тѣмъ какъ по прочимъ наукамъ, которыя входили въ кругъ ихъ занятій, иные сдѣлались извѣстными. Эти-то искусники, кажется, болѣе другихъ и терпятъ неудачи. Вотъ хоть бы тотъ Стезилай, котораго D. вы со мною видѣли въ толпѣ, и который такъ хвастался и

¹ Науки и искусства во все времена свидѣтельствовали объ извѣстномъ характерѣ и направленіи обществъ. Въ этомъ отношеніи о каждомъ государствѣ можно утверждать тоже, что говорятъ объ одномъ человѣкѣ: скажите мнѣ, съ кѣмъ онъ знакомъ, — я скажу вамъ, каковъ онъ. Разсмотрите общественныя занятія и удовольствія народа; — вамъ не трудно будетъ опредѣлить нравственное его состояніе и понять, какова его жизнь въ настоящемъ и судьба въ будущемъ. Вникните, чѣмъ любитесь народный геній, — вы уразумѣете его достоинства и слабости, его здоровье и болѣзни. Смѣли ли сбѣгаться въ Лакедемонъ всесвѣтныя скоморохи, гдѣ не терпѣлось ничего чуждаго, гдѣ строгость жизни простиралась даже до суровости нравовъ и смягчалась только пламенною любовію къ отечеству? Тамъ не было блеска и роскоши; но за то тамъ царствовали довольство, спокойствіе и слава. Напротивъ Аѳиняне принимали безъ разбора всѣхъ иностранцевъ, стекались на зрѣлища, жаждали новостей, жили воображеніемъ, но теряли чувство народности, трепетали предъ призраками, боялись самихъ себя и ранѣе всѣхъ другихъ Грековъ изгладили въ себѣ характеръ Эллинизма.

столько дивнаго, какъ слышали, говорилъ о себѣ. Разъ я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на него, когда онъ, правда нехотя, но точно показалъ истинное искусство. Случилось, что корабль, на которомъ онъ плыль, столкнулся съ однимъ ластовымъ судномъ. Въ то время Стезилай съ тѣмъ судномъ дѣлалъ видъ сраженія серповиднымъ копьемъ, — оружіе конечно отличное, какъ и самъ владѣтель его. Впрочемъ, о другихъ качествахъ этого человѣка говорить не стоитъ; а что вышло изъ его затѣи придѣлать къ копью серпъ, расскажу вамъ. Когда онъ такимъ образомъ сражался, копье его какъ-то запуталось въ снастяхъ ластоваго корабля и зацѣпилось за нихъ. Онъ потянулъ свое оружіе, съ намѣреніемъ высвободить его, но не могъ. Между тѣмъ тотъ корабль начиналъ двигаться мимо другаго. Стезилай, пока могъ, слѣдовалъ за нимъ, не выпуская изъ рукъ копья. Но когда судно уже совсѣмъ проходило и тянуло его, державшагося за копье, — онъ началъ, рука чрезъ руку, перехватывать древко своего ору- 184. жія до самаго конца. На ластовомъ кораблѣ, смотря на положеніе Стезилая подняли смѣхъ и рукоплесканія; а когда кто-то бросилъ на палубу подъ ноги къ нему камень, и онъ выпустилъ копье, тогда, при видѣ серповиднаго его оружія, повисшаго на снастяхъ грузоваго корабля, не могли уже и на триремѣ удержаться отъ смѣха. Итакъ, въ этой наукѣ, можетъ, и есть что-нибудь, какъ говоритъ Никіасъ: но что я видѣлъ, то видѣлъ; а потому повторяю сказанное прежде, что эта В. наука или мало полезна, или вовсе не наука, и что называемая и прикрываемая однимъ только именемъ, она не стоитъ изученія. При томъ, если бы вздумалъ заниматься ею человѣкъ трусливый; то, мнѣ кажется, его трусость былабы еще замѣтнѣе: а если — мужественный, на котораго обращается вниманіе всѣхъ; то и малѣйшая его ошибка подверглась бы великимъ пересудамъ; потому что выдавать себя за знатока въ этой наукѣ, значить возбуждать къ себѣ зависть; такъ что, хвалясь ею, но не отличаясь отъ другихъ какою-нибудь С. чрезвычайною добродѣтелію, нельзя избѣжать насмѣшекъ.

Вотъ мои мысли, Лизимахъ, о занятіи этою наукою. Теперь, какъ я сказалъ съ самаго начала, что не должно отпускать Сократа, пусть и онъ объявитъ свое мнѣніе о предложенномъ предметѣ.

- D. *Лиз.* Да, прошу тебя, Сократъ, тѣмъ болѣе, что наше совѣщаніе, по видимому, имѣетъ нужду въ посредникѣ. Если бы эти мужи были согласны въ своихъ мнѣніяхъ; то посредничество казалось бы еще менѣе необходимымъ: но вотъ Лахесь, видишь, противорѣчитъ Никіасу; по этому хорошо послушать тебя, къ которому изъ нихъ ты присоедилишь свой голосъ.

Сокр. Какъ, Лизимахъ? ты думаешь ухватиться за то мнѣніе, на сторонѣ котораго будетъ болѣе нашихъ голосовъ?

Лиз. А чтожъ иное и дѣлаютъ, Сократъ?

- E. *Сокр.* Не ужели и ты поступишь такъ же, Мелисіасъ? Если бы, напримѣръ, у тебя происходило совѣщаніе о тѣлесныхъ упражненіяхъ твоего сына, какого рода они должны быть; то намъ ли многимъ повѣрилъ бы ты, или тому, кто гимнастическія свои способности развилъ и употреблялъ подъ руководствомъ хорошаго наставника?

Мел. Натурально тому, Сократъ.

Сокр. Значить, ты охотнѣе повѣрилъ бы ему одному, чѣмъ намъ четверымъ?

Мел. Можетъ быть.

Сокр. Такъ какъ желающій хорошо судить долженъ основываться, думаю, на знаніи, а не на множествѣ.

Мел. Какъ же не на знаніи!

185. *Сокр.* По этому, прежде должно изслѣдывать, искусенъ ли кто-нибудь изъ насъ въ томъ, о чемъ совѣтуемся, или нѣтъ. Если искусенъ,—повѣримъ ему одному, а прочихъ оставимъ; если же нѣтъ,—будемъ искать другаго. Развѣ вы—ты и Лизимахъ, приступаете теперь къ маловажному дѣлу, а не къ такому пріобрѣтенію, которое выше всѣхъ вашихъ пріобрѣтеній? Вѣдь смотря по тому, хороши бываютъ сыновья,

или напротивъ, весь родительскій домъ, въ отношеніи къ жизни, подстроится подъ ладъ дѣтей.

Мел. Твоя правда.

Сокр. Итакъ объ этомъ надобно подумать да подумать.

Мел. Конечно.

Сокр. Какимъ же бы образомъ, какъ я сейчасъ сказалъ, В. изслѣдовать (если хотимъ изслѣдывать), кто изъ насъ самый искусный въ упражненіи тѣла? Не тотъ ли, кого учили и занимали этимъ, и у кого, по этому предмету, были хорошіе наставники?

Мел. Мнѣ кажется, тотъ.

Сокр. А еще прежде не изслѣдовать ли намъ, что такое было бы, въ отношеніи къ чему мы ищемъ учителей.

Мел. Какъ ты говоришь?

Сокр. Можетъ быть яснѣе будетъ такъ: кажется, мы еще не условились, что такое было бы, о чемъ у насъ совѣщаніе и разсужденіе, и касательно чего предложенъ вопросъ: кто изъ насъ самый искусный, поколику имѣлъ наставниковъ, и кто нѣтъ? С.

Ник. Но развѣ не извѣстно, Сократъ, что мы разсуждаемъ о сраженіи въ полномъ вооруженіи,—должно ли учить этому юношей, или не должно?

Сокр. Конечно такъ, Никіасъ: но если бы дѣло шло о лекарствѣ для глазъ, должно ли употребить его или нѣтъ; то что тогда было бы предметомъ совѣщанія: лекарство, или глаза?

Ник. Глаза.

Сокр. Равнымъ образомъ, если бы разсуждали: должно ли надѣть на лошадь узду, или нѣтъ, и когда? то совѣщались бы о лошади, а не объ уздѣ?

Ник. Конечно.

Сокр. Однимъ словомъ: когда кто разсуждаетъ о чемъ-нибудь для чего-нибудь; то совѣщаніе идетъ о томъ, для чего разсуждается, а не о томъ, что требуется для другаго.

Ник. Необходимо.

Сокр. И такъ во первыхъ, надобно изслѣдовать самаго совѣтника, искусенъ ли онъ въ врачеваніи того, для чего происходитъ изслѣдованіе.

Ник. Конечно.

Сокр. А мы теперъ разсуждаемъ о наукѣ для души юношеской.

Е. *Ник.* Да.

Сокр. И такъ надобно опредѣлить: искусенъ ли кто-нибудь изъ насъ въ врачеваніи души? можетъ ли хорошо врачевать ее? и былъ ли онъ руководимъ хорошими учителями?

Лак. Но какъ же, Сократъ? развѣ ты невидывалъ, что иногда безъ учителей бываютъ искуснѣе въ чемъ-нибудь, нежели съ учителями?

Сокр. Положимъ, Лакесь; но такимъ-то людямъ ты не захотѣлъ бы повѣрить, пока они, называя себя отличными мастерами, не подтвердили бы своего показанія какимъ-нибудь хорошо выполненнымъ дѣломъ—одинъ, или нѣсколько разъ.

Лак. Это правда.

Сокр. Стало быть и мы, Лакесь и Никіасъ, когда Лизимахъ и Мелисіасъ, пригласили насъ на совѣщаніе о своихъ сыновьяхъ, стараясь о добротѣ ихъ душъ,—и мы должны, если имѣли, указать имъ своихъ учителей, которые, бывъ сами добрыми и воспитавъ души многихъ юношей, потомъ научили и насъ. Когда же кто изъ насъ скажетъ, что у него не было учителя, что онъ совершилъ дѣла свои самъ собою; то пусть укажетъ на какихъ-нибудь Аѳинянъ или иностранцевъ, на рабовъ или свободныхъ, которые подъ его руководствомъ сдѣлались добрыми. Если же мы не представимъ ни того ни другаго; то велимъ искать иныхъ совѣтниковъ, а не подвергаться опасности испортить дѣтей, принадлежащихъ нашимъ друзьямъ, и быть крайне виновными въ отношеніи къ ближнимъ. И такъ, Лизимахъ и Мелисіасъ, я первый го-

ворю, что по этому предмету у меня не было учителя, сколько я съ раннихъ лѣтъ ни старался о томъ. Софистамъ, которые одни берутся сдѣлать меня честнымъ и добрымъ, не могу платить; а самъ найти это искусство и донинѣ не въ состояніи. Что же касается до Никіаса и Лакеса, то не удивительно, что они нашли его или выучились ему; потому что у нихъ больше денегъ, чтобъ учиться, и лѣтъ, чтобы уже найти. Да мнѣ-таки и кажется, что они сильны въ образованіи людей; потому что не столь бы безстрашно заключали о полезныхъ и вредныхъ для юношества наукахъ, если бы не были увѣрены въ своемъ знаніи. Въ этомъ-то я не сомнѣваюсь; удивляюсь только тому, что они несогласны другъ съ другомъ. По тому, какъ прежде Лакесъ приказывалъ тебѣ не отпускать меня, но спрашивать: такъ и я теперь на оборотъ прошу тебя не отпускать Лакеса и Никіаса, но спросить ихъ о слѣдующемъ: Сократъ признается, что онъ не разумѣетъ этого дѣла и не можетъ разобрать, кто Е. изъ васъ говоритъ правду; потому что не былъ ни открытелемъ такого искусства, ни чьимъ нибудь ученикомъ по этому предмету. Пусть же теперь, Лакесъ и Никіасъ, каждый изъ васъ скажетъ, у какого мудреца учились вы воспитывать юношей, и ваше знаніе есть ли плодъ науки, или собственное открытіе. Если плодъ науки, то кто были вашими учителями, и гдѣ ваши товарищи по этому ученію?— что бы мы, если вамъ самимъ, по причинѣ общественныхъ 187. должностей, недосугъ, могли обратиться къ нимъ и, либо подарками, либо просьбами, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, убѣдить ихъ позаботиться о нашихъ и вашихъ дѣтяхъ и не допустить, чтобъ они сдѣлались худыми и стыдились своихъ предковъ: а когда собственное открытіе, — представьте примѣръ, какіе люди уже были предметомъ вашихъ попеченій, и кто вами изъ худаго превращенъ въ честнаго и добраго. Если же вы только начинаете воспитывать; то замѣтьте В. те, что дѣлаете опытъ не надъ Карійцемъ, а надъ сыновьями и дѣтьми своихъ друзей. Смотрите, чтобы и у васъ,

по простой пословицѣ, гончарни не было въ бочкѣ¹. И такъ скажите, что въ этомъ отношеніи вы имѣете и приписываете себѣ, и чего нѣтъ. Спроси-ка такъ, Лизимахъ, этихъ мужей и не отпуская ихъ.

- Лиз.* Мнѣ кажется, почтеннѣйшіе, Сократъ говоритъ хорошо. Впрочемъ вы, Никіасъ и Лахесъ, должны сами знать,
- C. угодно ли вамъ выслушать такой вопросъ и отвѣчать на него. Для меня и Мелисіаса конечно было бы пріятно, если бы вы захотѣли раскрыть все, о чемъ Сократъ спрашивалъ; потому что мы, какъ сказано мною съ самаго начала, для того и пригласили васъ на совѣтъ, что вообще предполагаемъ въ васъ надлежащую заботливость объ этомъ предметѣ, и что равнымъ образомъ вашимъ дѣтямъ, почти такъ же, какъ и нашимъ, настало время получить воспитаніе.
- D. Итакъ, если вамъ ничто не мѣшаетъ, говорите и, вмѣстѣ съ Сократомъ, изслѣдуйте дѣло, предлагая и принимая доказательства другъ отъ друга. Вѣдь и то хорошо сказалъ онъ, что вы теперь разсуждаете о важнѣйшемъ нашемъ дѣлѣ: смотрите же, думаете ли вы, что надобно поступить такимъ образомъ.

Ник. Изъ всего видно, Лизимахъ, что ты знаешь Сократа только по отцу, а съ нимъ самимъ обращался не

E. позже, какъ въ его дѣтствѣ, когда онъ на своей родинѣ, ходя за отцемъ, видался съ тобою или въ храмѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ собраніи твоихъ земляковъ. Да, явно, что сдѣлавшись постарѣе, онъ не встрѣчался съ тобою.

Миз. Такъ чтожь, Никіасъ?

Ник. Ты, кажется, не знаешь, что кто слишкомъ близко подходитъ къ Сократу съ своимъ словомъ, какъ съ родиною, и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ; тотъ, съ чего бы ни началъ разговаривать, не перестанетъ спутываться

188. собственною рѣчью, пока не впадетъ въ необходимость дать

¹ Объ этой пословицѣ см. Schol. ad h. l. Пословица: *въ бочкѣ гончарни*—указываетъ на тѣхъ, которые приступаютъ только еще къ началамъ науки, а уже говорятъ свысока, какъ будто получили познаніе совершеннѣйшее.

отчетъ, какъ онъ живетъ теперь и какъ жилъ прежде; а когда впадетъ,—Сократъ дотогѣ не отпуститъ его, пока не вымучитъ всѣхъ подробностей. Напротивъ, я привыкъ къ нему и знаю, что надобно будетъ испытать это,—знаю, что испытать тоже придется и мнѣ: однакожь все-таки радъ встрѣчаться съ нимъ и не нахожу ни какого зла въ припоминаніи того, что мы сдѣлали, или дѣлаемъ нехорошо; даже увѣренъ, что кто не будетъ избѣгать этого, тотъ необходимо позаботится о послѣдующей жизни, или, по словамъ Солона ¹, захочетъ и сочтетъ нужнымъ учиться, какъ жить, а не будетъ думать, что старость сама придетъ къ нему съ умомъ. И такъ мнѣ не непривычно и не непріятно подвергнуться испытанію со стороны Сократа; я давно замѣтилъ, что въ его присутствіи рѣчь будетъ у насъ не о дѣтяхъ, а о насъ самихъ. Еще повторяю, что мнѣ ничто не мѣшаетъ бесѣдовать съ Сократомъ, какъ ему угодно: но смотри, что думаетъ объ этомъ Лахесъ.

Лак. Моя мысль о бесѣдѣ проста, Никіасъ, или, если угодно, и не проста, а двойка. Я могу иному показаться любителемъ и вмѣстѣ ненавистникомъ бесѣдъ. Когда я слушаю рѣчь о добродѣтели, или о какой нибудь мудрости, отъ такого человѣка, который дѣйствительно стоитъ своей рѣчи; тогда бываю весьма радъ говорящему и его слову, *Д.* такъ какъ между ими есть соотвѣтствіе и гармонія: такой человѣкъ кажется мнѣ въ самомъ дѣлѣ музыкантомъ, проявляющимъ прекраснѣйшую гармонію не на лирѣ, не на музыкальныхъ инструментахъ, а въ жизни, въ которой у него слова созвучны съ дѣлами — не іонически, не фригійски и не лидійски, а прямо дорически, то-есть, выражаютъ единственную эллинскую гармонію ². Разговоръ та-

¹ Извѣстный стихъ Солона: *γυράσκει δ' ἀεὶ πολλὰ διδασκόμενος*. Онъ сохраненъ Плутархомъ в. Solon. p. 96. Е. и Схолиастомъ ad Sophocl. Antig. v. 711.

² Изъ многихъ мѣстъ Ксенофоновыхъ и Платоновыхъ сочиненій видно, что послѣдователи Сократа, и особенно Платонъ, болѣе одобряли дорійскій образъ жизни, такъ какъ Доряне отличались какою-то важностію и прямоудомъ.

Соч. Плат. Т. I. 16

- кого человѣка доставляетъ мнѣ отраду, и я тогда кажусь
- Е. любителемъ бесѣдъ, я съ жадностію принимаю, что говорится. Но кто дѣлаетъ противное тому; тотъ, какъ хорошо ни говори, —огорчаетъ меня и заставляетъ ненавидѣть бесѣду. Сократъ, по своимъ разговорамъ, мнѣ конечно неизвѣстенъ; однакожъ нѣкогда я, какъ слѣдовало, испыталь
189. самыя дѣла его и изъ нихъ узналъ, что онъ стоитъ прекрасныхъ рѣчей и можетъ смѣло говорить ихъ. Если же онъ таковъ, то я буду бесѣдовать съ нимъ, весьма охотно подвергнусь его испытанію, не поскучаю урокомъ, соглашаюсь и съ Солономъ, но къ его словамъ прибавляю только одно: хочу учиться до старости не иначе, какъ у добрыхъ. Признайтесь: надобно предположить отличнаго учителя, чтобъ, учась безъ удовольствія, не показаться ему
- В. неучемъ. А что наставникъ молодъ, не пользуется извѣстностію, и тому подобное, объ этомъ я не забочусь. Итакъ объявляю тебѣ, Сократъ: учи и обличай меня, въ чемъ хочешь; готовъ учиться даже тому, что уже знаю. Я расположенъ къ тебѣ съ того дня, въ который ты раздѣлялъ со мною опасности и показалъ опытъ добродѣтели, свойственный только тому, кто истинно хочетъ показать его. Говори же, что тебѣ любо, не обращая вниманія на нашу возрастъ.
- С. *Сокр.* Такъ видно мы уже не будемъ обвинять васъ за неготовность подавать совѣты и изслѣдывать.

Лиз. Но вѣдь это наше дѣло, Сократъ; потому что я почитаю тебя однимъ изъ своихъ. Смотри же и вмѣсто меня, о чемъ мы, ради юношей, должны спрашивать ихъ, и совѣтуйся съ ними посредствомъ разговора. Я, по своей старости, уже многое и забываю, что думалъ было сказать и что недавно слышалъ; а если къ тому еще входятъ и

шiemъ, и въ этомъ отношеніи совершенно противуполагались легкомысленнымъ жителямъ Атики и извѣженнымъ Іонянамъ. Посему Лахесъ, требуя искренности въ разговорѣ, хочетъ, чтобъ онъ шелъ дорически, то-есть, чтобы въ немъ слова гармонировали съ мыслями, а мысли съ дѣлами. Сравни сужденіе Платона въ его Государствѣ. L. III. p. 398. sqq.

другія рѣчи; то совсѣмъ не припоминаю. Итакъ говорите D. и разсматривайте предметъ сами между собою; а я буду слушать и, выслушавши, мы съ Мелисіасомъ сдѣлаемъ то, что вамъ понравится.

Сокр. Надобно послушаться Лизамаха и Мелисіаса, Никіасъ и Лахесъ. Можетъ быть, намъ въ самомъ дѣлѣ не худо испытать самихъ себя въ томъ, что мы предпринимали изслѣдовать теперь же, то-есть, какіе учителя были у насъ по разсматриваемой наукѣ, и кого сдѣлали мы лучшимъ. Но это изслѣдованіе поведетъ насъ, думаю, къ тому же, — пойдетъ то-есть едвали не къ началу дѣла: вѣдь если мы знаемъ, что принадлежащая кому-нибудь вещь улучшаетъ того, кому принадлежитъ, и если, сверхъ того, можетъ сдѣлать, чтобы она ему принадлежала; то конечно знаемъ и предметъ своего совѣщанія, то-есть, кому и какъ легче и успѣшнѣе приобрѣсть ее. Впрочемъ, можетъ быть, вы не понимаете, что я говорю? такъ вотъ какъ скорѣе поймете. Если мы знаемъ, что зрѣніе, принадлежа глазамъ, 190. улучшаетъ то, чему принадлежитъ, и сверхъ того умѣемъ сдѣлать, чтобы оно глазамъ принадлежало; то конечно знаемъ и самое зрѣніе, что такое оно, какъ предметъ нашего совѣщанія, и какъ легче и успѣшнѣе приобрѣсть его: а когда не знаемъ, что зрѣніе, что слухъ,—едва ли можемъ быть совѣтниками, стоящими слова, и врачами глазъ и ушей,—едва ли скажемъ, какъ лучше приобрѣсти слухъ и зрѣніе.

Лак. Ты правду говоришь, Сократъ.

B.

Сокр. Не за тѣмъ ли, Лахесъ, эти люди нынѣ призвали насъ, чтобы мы подали совѣтъ: какимъ образомъ душамъ ихъ сыновей сообщить добродѣтель и чрезъ то сдѣлать ихъ лучшими?

Лак. Конечно.

Сокр. Такъ напередъ не нужно ли знать, что такое добродѣтель? ибо вовсе не зная, что она, можно ли намъ совѣтоваться, какъ лучше приобрѣсть ее?

С. *Лак.* Мнѣ кажется, нельзя, Сократъ.

Сокр. Мы конечно приписываемъ себѣ знаніе добродѣтели?

Лак. Да, приписываемъ.

Сокр. А что знаемъ, можемъ какъ-нибудь выразить?

Лак. Почему не такъ?

Сокр. Однакожъ, почтеннѣйшій, не станемъ съ перваго раза разсматривать добродѣтель вообще, — можетъ быть, это довольно трудно: возьмемъ сперва какойнибудь видъ ея и посмотримъ, въ силахъ ли мы знать его. Такое изслѣдованіе будетъ для насъ вѣроятно легче.

Д. *Лак.* Сдѣлаемъ и такъ, Сократъ, если угодно.

Сокр. Какой же бы видъ добродѣтели избрать намъ? Не явно ли впрочемъ, что выберемъ тотъ, къ которому имѣеть отношеніе наука сражаться всякимъ оружіемъ? а она, по мнѣнію многихъ, относится къ мужеству. Не такъ ли?

Лак. Кажется, въ самомъ дѣлѣ такъ.

Сокр. Давай же, Лакесь, прежде всего скажемъ, что такое мужество, а потомъ разсмотримъ, какимъ образомъ оно можетъ быть приобрѣтено юношами, сколько это зависитъ отъ наукъ и упражненія. Итакъ, сообразно съ моимъ предначертаніемъ, попытайся сказать, что такое мужество.

Лак. Это, клянусь Зевсомъ, не трудно. Кто рѣшился удерживать свое мѣсто въ строю, отражать непріятели и не бѣжать; тотъ вѣрно мужественъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь, Лакесь; но, можетъ быть, моя вина, что твой отвѣтъ неясенъ и заключаетъ въ себѣ не ту мысль, которую я соединялъ съ своимъ вопросомъ, а другую.

191. *Лак.* Что ты хочешь сказать, Сократъ?

Сокр. Объяснюсь, сколько могу. По твоему, мужественъ тотъ, кто сражается съ непріятели, удерживая свое мѣсто въ строю.

Лак. Это именно мои слова.

Сокр. Равно и мои. Но что будетъ тотъ, кто сражается съ непріятелями, не удерживая своего мѣста, а убѣгая?

Лак. Какъ убѣгая?

Сокр. На примѣръ, какъ Скиѣны ¹, которые, говорятъ, не менѣе сражаются въ бѣгствѣ, какъ и въ погонѣ, или, какъ хваленые Энеевы кони, которые, по словамъ Омира, могли весьма быстро летать туда и сюда, то убѣгая, то в. преслѣдуя. Да Омиръ превозноситъ и самаго Энея за умѣнье бояться, и называетъ его совѣтникомъ страха ².

Лак. Хорошо, Сократъ, но вѣдь онъ говоритъ о колесницахъ, а ты о скиѣскихъ всадникахъ. Скиѣы-то на коняхъ сражаются конечно такъ; но греческая пѣхота — по моему.

Сокр. Можетъ быть, — кромѣ Лакедемонянъ, Лакесь; по тому что Лакедемоняне, при Платеѣ, встрѣтившись съ щитоносцами ³, не хотѣли, говорятъ, сражаться съ ними на одномъ мѣстѣ, а побѣжали. Когда же чрезъ это персидскія линіи разстроились, — они, подобно всадникамъ, вдругъ возвратились и, сразившись, одержали побѣду.

Лак. Твоя правда.

Сокр. Такъ вотъ и причина, почему ты не хорошо отвѣчалъ: я виноватъ, что не хорошо спрашивалъ. У меня

¹ На образъ сраженія Скиѣовъ указываетъ Гораций (Od. I. 19. 11) *pacatur Scythas et versis animosum equis Parthum dicere*. Этимъ также объясняется Горациево выраженіе: *profugi Scythæ*. Od. I. 35, 9.

² Слова Омира, которыя Платонъ приводитъ здѣсь, находятся въ Иліадѣ V. 223. Ст. VIII. 105. sqq. Въ послѣднемъ мѣстѣ Энеевы кони уже въ рукахъ Діоміда, который говоритъ: *οὐς ποτ' ἀπ' Αἰνείαν ἑλόμην μίστωρε φόβοιο* (другое чтеніе: *μίστωρα*, которому слѣдуетъ и Платонъ). Сократъ, по обычаю, играя словами, подъ выраженіемъ *μίστωρε φόβοιο* разумѣетъ того, кто замышляетъ бѣгство, такъ какъ бы *μίστωρ* происходило отъ *μῆδεσθαι*. Посему тотъ ошибется, кто будетъ искать здѣсь серьезнаго истолкованія словъ Омировыхъ.

³ *Съ щитоносцами*, *πρὸς τοὺς γυρροφόροις*. *Γύρρα*, по свидѣтельству Схоластиа, были ивовые щиты, употреблявшіеся Греками для всякаго огражденія во время сраженія. Но иногда, говоритъ онъ, подъ словомъ *γύρρα* разумѣлись и щиты персидскіе, сдѣланные изъ кожи, даже палатки. Снес. *Herod.* VII. 61.

- D. была мысль спросить о мужественныхъ не только въ пѣхотѣ, но и въ конницѣ, и вообще во всякомъ родѣ войны; да и не о воинахъ только говорю я, но и о тѣхъ, которые мужественно подвергаются опасностямъ на морѣ, мужественны противъ болѣзней, бѣдности, или и политики, которые храбро также сражаются не съ одними скорбями и страхомъ, но и съ страстями, или удовольствіями, то
- E. удерживая свое мѣсто, то отступая; такъ какъ во всемъ этомъ, Лахесь, не менѣе возможно мужество.

Лак. И очень, Сократъ.

Сокр. Итакъ всѣ эти мужественны; только одни оказываютъ мужество въ удовольствіяхъ, другіе въ скорбяхъ, иные въ страстяхъ, а нѣкоторые въ страхѣ. Напротивъ, немужественные во всемъ этомъ обнаруживаютъ боязнь.

Лак. Конечно.

Сокр. Такъ я спрашивалъ тебя: что это такое въ обихъ случаяхъ? Попытайся же опять сначала сказать, что такое мужество, какъ одно и тоже во всемъ. Но можетъ быть ты не понимаешь словъ моихъ?

Лак. Что-то не очень.

192. *Сокр.* Я говорю такъ. Пусть будетъ предложенъ вопросъ: что такое скорость, проявляющаяся и въ бѣганіи, и въ музыкѣ, и въ разговорѣ, и въ ученіи, и во многомъ другомъ, — та скорость, которую, можно сказать, мы приобретаемъ въ дѣятельности рукъ, ногъ, языка, голоса и мысли? ¹ Не спросилъ ли бы и ты такимъ образомъ?

Лак. Конечно спросилъ бы.

- Сокр.* Итакъ положимъ, что съ этимъ вопросомъ ктонибудь обратился бы ко мнѣ и сказалъ: Сократъ! что называешь ты скоростью во всемъ? Я отвѣчалъ бы: называю спо-

¹ Вотъ способъ, которымъ Платонъ ищетъ общихъ понятій о вещахъ. Онъ требуетъ родового признака, который былъ бы признакомъ всѣхъ предметовъ одного рода. Подобнымъ образомъ и въ Менонѣ (р. 74. А) устанавливается общее понятіе о добродѣтели: τὴν δὲ μίαν (ἀρετὴν) ἢ διὰ πάντων τούτων εἶναι, οὐ δύναμεθα ἀνευρεῖν. Сравни. *Heindorf* ad *Sophist.* p. 240. А.

способность въ короткое время дѣлать много и голосомъ, и бѣганіемъ, и всѣмъ другимъ.

Лак. И отвѣчалъ бы въ самомъ дѣлѣ правильно.

Сокр. Попытайся же, Лакесь, подобнымъ образомъ опредѣлить и мужество: что такое оно, какъ одна и та же способность и въ удовольствіи, и въ страданіи, и во всемъ, въ чемъ мы недавно находили его?

Лак. По моему мнѣнію, мужествомъ, если только надобно опредѣлять его общимъ признакомъ, называется какаятвердость души.

Сокр. Конечно такъ надобно опредѣлять, когда хочешь с. отвѣчать на вопросъ. Однако, мнѣ кажется, что не всякая же твердость, если не обманываюсь, представляется тебѣ мужествомъ. Заключаю изъ того, что мужество ты относишь, вѣроятно, къ вещамъ весьма хорошимъ.

Лак. Да, безъ сомнѣнія, къ прекраснымъ.

Сокр. Слѣдовательно, твердость хороша и похвальна, когда соединяется съ благоразуміемъ?

Лак. Конечно.

Сокр. Какова же она будетъ безъ разсудительности? вѣ- д. роятно противоположная, то-есть, дурная и зловредная?

Лак. Да.

Сокр. Итакъ, назовешь ли ты ее хорошою, когда она зловредна и дурна?

Лак. Не слѣдуетъ, Сократъ.

Сокр. Стало-быть, такой твердости ты не признаешь и мужествомъ, если мужество есть дѣло хорошее, а эта не хороша.

Лак. Правда.

Сокр. Итакъ, по твоимъ словамъ, мужество есть благо- разумная твердость.

Лак. Выходить.

Сокр. Посмотримъ же, въ чемъ она благоразумна: во е. всемъ ли, какъ въ великомъ, такъ и въ маловажномъ? Напри- мѣръ, назовешь ли ты мужественнымъ того, кто съ благо-

разумною твердостью расточаетъ деньги, зная, что расточивши ихъ, онъ пріобрѣтетъ болѣе?

Лак. О нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. А врача, который не смягчается, но остается твердымъ, когда сынъ его, либо кто другой, страдая воспаленіемъ въ легкихъ, просить пить или ѣсть?

193. *Лак.* Нѣтъ, и это не такое мужество.

Сокр. А человекъ твердаго на войнѣ, который хочетъ сразиться, благоразумно рассчитывая и зная, что ему помогутъ другіе, что онъ вступить въ дѣло съ непріателемъ не столь многочисленнымъ и болѣе слабымъ, чѣмъ собственный его отрядъ, и что при томъ самая позиція его лучше,—человекъ, твердо опирающагося на такіе расчеты и способы, назовешь ли ты мужественнѣе того, который рѣшился оставаться и быть твердымъ въ противоположныхъ обстоятельствахъ своего лагеря?

В. *Лак.* Мнѣ кажется, Сократъ, что при противоположныхъ обстоятельствахъ лагеря болѣе мужества.

Сокр. И однакожъ мужество послѣдняго будетъ не такъ разсудительно, какъ перваго?

Лак. Правда.

Сокр. Равнымъ образомъ и въ конномъ сраженіи, твердый съ знаніемъ, по твоему мнѣнію, не столь мужественъ, какъ твердый безъ знанія?

Лак. Мнѣ кажется.

Сокр. Тоже утверждаешь ты о твердости и пращниковъ, и луконосцевъ, и другихъ воиновъ?

С. *Лак.* Конечно.

Сокр. А тѣ люди, которые, вздумавъ сойти въ колодезь и, хотъ неумѣютъ, захотѣвши плавать, твердо рѣшались бы на это, или иное подобное дѣло, — тѣ, по твоему мнѣнію, мужественнѣе ли другихъ, опытныхъ въ этомъ искусствѣ?

Лак. Кто же бы сказалъ иначе, Сократъ?

Сокр. Конечно никто, у кого подобныя мысли.

Лак. Да и я такихъ же мыслей.

Сокр. Однакожь, Лакесь, эти люди, подвергаются опасностямъ и бываютъ тверды безразсуднѣе, чѣмъ тѣ, которые дѣлають тоже съ искусствомъ.

Лак. Кажется.

Сокр. Но безразсудная дерзость и твердость не казалась Д. ли намъ прежде постыдною и дурною?

Лак. Конечно.

Сокр. А мужество мы признали чѣмъ-то хорошимъ.

Лак. Да, признали.

Сокр. И вотъ теперь опять постыдное, то-есть, безразсудную твердость называемъ мужествомъ.

Лак. Видно такъ.

Сокр. Чтожь? хорошо ли мы говоримъ?

Лак. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ, по моему, нехорошо.

Сокр. Стало быть, какъ ты говорилъ, Лакесь, я и ты Е. гармонируемъ не дорически; потому что дѣла у насъ несогласны съ словами. Если бы кто-нибудь слышалъ нашъ разговоръ, то сказалъ бы, что на дѣлѣ-то мы, кажется, храбры, а на словахъ—не совсѣмъ.

Лак. Весьма справедливо.

Сокр. Чтожь? хорошо ли быть такими?

Лак. Вовсе не хорошо.

Сокр. Хочешь ли долѣе оставаться при томъ, что мы говорили?

Лак. При чемъ и какъ долѣе?

Сокр. При томъ мнѣніи, которое велить быть твердымъ. 194. Если угодно, мы тоже удержимся и будемъ тверды въ изслѣдованіи своего предмета, чтобы мужество не смѣялось надъ нами, будто мы не мужественно разсматриваемъ его, когда оно, по нашимъ же словамъ, состоитъ въ твердости.

Лак. Я готовъ, Сократъ; не отстану, хоть и не привыкъ къ такому роду рѣчей. Во мнѣ есть охота разсуждать; но досадно, что не умѣю выразить своихъ мыслей. Мнѣ кажет-

ся, я понимаю, что такое мужество; только у меня какъ-то ускользаетъ собственное понятіе, такъ что я не могу заключить его въ слово и сказать, что оно такое.

Сокр. Но порядочный ловчій долженъ преслѣдовать свою добычу, другъ мой, а не оставлять ее.

Лак. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Не угодно ли, пригласимъ на ловлю и Никіаса? Можетъ, онъ будетъ успѣшнѣ насъ.

Лак. Согласенъ; почему не такъ?

- С. *Сокр.* Поспѣши же, Никіасъ, къ друзьямъ своимъ, обу-реваемымъ словами, и, если имѣешь силу, помощи имъ въ ихъ недоумѣніи. Ты видишь, какъ плохо наше дѣло: скажи, что считаешь ты мужествомъ, разрѣши наше сомнѣніе, вырази словомъ мысль твою.

Ник. Да я давно вижу, Сократъ, что вы нехорошо опредѣляете мужество: вы не воспользовались тѣмъ, что когда-то самъ ты прекрасно говаривалъ.

Сокр. Чѣмъ же это, Никіасъ?

- Д. *Ник.* Я часто слыхалъ, какъ ты утверждалъ, что каждый изъ насъ добръ въ томъ, въ чемъ мудръ, а не добръ въ томъ, въ чемъ невѣжда.

Сокр. О, клянусь Зевсомъ, Никіасъ, ты говоришь правду.

Ник. По этому, если мужественный добръ; то явно, что онъ мудръ.

Сокр. Слышишь, Лакесь?

Лак. Слышу, только не совсѣмъ понимаю слова его.

Сокр. А я кажется, понимаю; мнѣ кажется мужество, по его мнѣнію, есть мудрость.

Лак. Какая же мудрость, Сократъ?

Сокр. А почему ты его-то не спросишь объ этомъ?

- Е. *Лак.* Спрашиваю и его.

Сокр. Такъ скажи ему, Никіасъ, какая мудрость, по твоему мнѣнію, есть мужество. Ужь конечно не игра на флейтѣ?

Ник. Нѣтъ.

Сокр. И не игра на цитрѣ?

Ник. Совсѣмъ нѣтъ.

Сокр. Что же она? какое знаніе?

Лак. Ты ладно спрашиваешь его, Сократъ; пусть-ка скажетъ, что разумѣть онъ подъ именемъ мудрости.

Ник. Я разумѣю, Лакесь, знаніе того, чего должно страшиться и на что отваживаться, какъ на войнѣ, такъ и во всемъ другомъ. 195.

Лак. Какія нелѣпости говоритъ онъ, Сократъ!

Сокр. Чтоже называешь ты тутъ нелѣпымъ, Лакесь?

Лак. Что называю?—Мудрость вѣдь отлична отъ мужества.

Сокр. Но Никіасъ съ этимъ несогласенъ.

Лак. Конечно, клянусь Зевсомъ; потому-то слова его и вздоръ.

Сокр. Такъ лучше намъ научить его, чѣмъ бранить.

Ник. Нѣтъ, Сократъ; Лакесу, кажется, по тому не угодно ничего видѣть въ моихъ словахъ, что самъ онъ ничего не сказалъ.

Лак. Да, да, Никіасъ; я еще постараюсь доказать, что ты дѣйствительно ничего не сказалъ. Вотъ на примѣръ, въ болѣзняхъ—не врачи ли знаютъ чего должно бояться? Но зная это, мужественны ли они? Врачей называешь ли ты мужественными?

Ник. Нѣтъ.

Лак. Конечно и земледѣльцевъ также, — хотя они и знаютъ, чего надобно бояться въ земледѣліи. Равнымъ образомъ знаютъ и другіе мастера, что опасно и неопасно въ ихъ мастерствахъ, и однакожъ отъ того нисколько не мужественны.

Сокр. Ну, какъ тебѣ кажется, Никіасъ? Лакесь говоритъ что-то.

Ник. Да, говоритъ, только неправду.

Сокр. Какъ же?

Ник. Онъ думаетъ, будто врачи знаютъ о больныхъ больше, чѣмъ могутъ сказать: это здорово, а это нездорово. Вѣдь

имъ только это и извѣстно. А знаютъ ли они, по твоему мнѣнію, Лахесь, кому опаснѣе быть здоровымъ, нежели больнымъ? Развѣ ты не вѣришь, что многимъ лучше не выздоро-
 D. лучше ли, думаешь ты, всѣмъ жить, или нѣкоторымъ умереть?

Лак. Я допускаю послѣднее.

Ник. Но человекъ, находящій свою выгоду въ смерти, того ли долженъ бояться, чего другой, которому выгоднѣе жить?

Лак. Не думаю.

Ник. А такое знаніе приписываешь ли ты врачамъ, или другому мастеру, кромѣ того, который знаетъ, что опасно и неопасно, и котораго я называю мужественнымъ?

Сокр. Понимаешь ли, Лахесь, что онъ говоритъ?

Е. *Лак.* Какъ же! мужественными называетъ онъ гадалелей; ибо кто другой знаетъ, кому лучше жить или умереть? Но себя, Никіасъ, признаешь ли ты гадалелемъ, или не признаешь ни гадалелемъ, ни мужественнымъ?

Ник. Какъ? да ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что знать, чего бояться и на что отваживаться, свойственно гадалелю?

Лак. Разумѣется; кому же иному?

Ник. Гораздо свойственнѣе тому, другъ мой, кого я разумѣю. Гадалелю-то должны быть извѣстны только признаки будущего, на примѣръ, кому угрожаетъ или смерть, или бо-
 196. лѣзнь, или лишеніе денегъ, или побѣда, или пораженіе, какъ на войнѣ, такъ и во всякой другой борьбѣ: а кто потерпитъ, или не потерпитъ что-нибудь лучше этого, о томъ гадалель ли можетъ судить, или другой, подобный ему?

Лак. Ну, такъ я не знаю, Сократъ, что у него на мысли. Сколько видно, онъ не признаетъ мужественнымъ, ни гадалеля, ни врача, ни кого инаго. Чтожъ? развѣ приписываетъ это свойство какому богу? Никіасъ, мнѣ кажется, не хочетъ
 B. искренно сознаться, что онъ ничего не говоритъ, а только вертится туда и сюда, стараясь скрыть свое недоумѣніе. Да

такъ-то вертѣться могли бы и мы, когда бы не захотѣли показать, что противорѣчимъ сами себѣ. Пусть бы намъ пришлось говорить въ судѣ,—можно бѣ еще позволить себѣ такія рѣчи: но теперь, въ домашней бесѣдѣ, за чѣмъ по пустому огораживать себя словами ничего незначащими?

Сокр. И я также, Лахесь, ничего тутъ не вижу; однакожъ с. посмотримъ, не думаетъ ли Никіасъ что-нибудь сказать, а не то что просто говорить, лишь бы говорить. Испытаемъ же его яснѣе, что онъ мыслить, и когда скажетъ нѣчто, согласимся, а не скажетъ, наставимъ.

Лак. Испытывай ты, Сократъ, если хочешь; а я уже, кажется, довольно испытывалъ.

Сокр. Ничто не мѣшаетъ; потому что испытаніе будетъ общее съ моей и твоей стороны.

Лак. Конечно.

Сокр. Скажи-ка мнѣ, или лучше намъ, Никіасъ,—ибо мы оба, я и Лахесь, обращаемся къ тебѣ: ты называешь мужество знаніемъ того, чего должно бояться и на что отваживаться?

Ник. Да.

D.

Сокр. Однако это знаніе принадлежитъ безъ сомнѣнія не всякому, если даже и врачъ, и гадатель, не получивъ его, не будутъ обладать имъ и не могутъ быть названы мужественными ¹. Такъ ли говорилъ ты?

Ник. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно, по пословицѣ, не каждая же свинья въ самомъ дѣлѣ можетъ знать это ² и быть мужественною.

¹ Если даже и врачъ и гадатель. . . . быть названы мужественными, ἐπεὶ γε μήτε ἰατροῦς μήτε μάντις οὐτὸ γινώσκται, μηδὲ ἀνδρὸς ἔσται. Здѣсь должно замѣтить употребленіе частицъ μήτε и μηδέ. Различіе между ими тоже, какое между δε и τε. Частица μήτε употребляется для соединенія, а μηδέ — для раздѣленія словъ. Посему οὐτε или μήτε полагается, когда какое-нибудь общее понятіе объясняется частными; а μηδέ имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ къ рѣчи присоединяется нѣчто новое, отъ значенія прежнихъ словъ отличное. Точно такое значеніе имѣютъ эти частицы и въ настоящемъ случаѣ.

² Эта пословица приводится и изъясняется Схоластомъ: κἂν κούω κἂν ὄ;

Ник. Кажется.

- Е. *Сокр.* Значить, ты не считаешь мужественною даже и свиньи Кроммiонской ¹. Это говорю я не шути, а въ самомъ дѣлѣ думаю, что люди, держащіеся твоей мысли, необходимо должны или отказать въ мужествѣ всякому животному или согласиться, что и животное обладаетъ такою мудростію, какая доступна только не многимъ людямъ: трудно въ самомъ дѣлѣ человѣку знать это такъ, какъ знаютъ левъ, барсъ, дикій кабанъ. Принявъ такое понятіе о мужествѣ, какое сдѣлалъ ты, необходимо вѣдь допустить, что и левъ, и коршунъ, и быкъ, и обезьяна, раждаются съ одинакимъ мужествомъ.
197. *Лак.* Клянусь богами, ты прекрасно говоришь, Сократъ. Отвѣчай-ка въ самомъ дѣлѣ, Никiасъ, мудре ли насъ эти животныя: а вѣдь мы всѣ соглашаемся, что онѣ мужественны. Или, можетъ быть, ты, вопреки всеобщему убѣжденію, осмѣлишься отказать имъ въ этомъ свойствѣ?

Ник. Я не называю мужественнымъ, Лакесь, ни животного, ни другаго существа, которое, не зная, чего надобно бояться, не знаетъ и боязни, но воодушевлено безстрашіемъ и неистовствомъ. Считаешь ли ты мужественными дѣтей, которыя, по невѣденію, ничего не боятся? Мнѣ кажется, безстрашіе и мужество — не одно и то же. Мужество и осмотрительность, по моему мнѣнію, есть достояніе немногихъ, а безразсудство и дерзость свойственны многимъ — и мужчинамъ и женщинамъ, и дѣтямъ и животнымъ. Итакъ, что ты съ другими называешь мужествомъ; то, по моему, безразсудство: напротивъ мужество, о которомъ я говорю, бываетъ разумно.

υποίη. Она означаетъ то, что легко познается и доступно даже для бессмысленнаго животного.

¹ *И свиньи Кроммiонской, οὐδέ τῆν κρομμίωνιαν ὕν.* По свидѣтельству Страбона VIII. р. 583 и Павзанiя Corinth. I., Кроммiонъ была деревня Коринтскаго округа. Имя этой деревни сдѣлалось историческимъ, благодаря одной свиньѣ, которая опустошала ту страну и наконецъ была убита Тезеемъ. *Ovid. metamorph. VII. 435. Quod que suis securus arat Cromyona colonus, Mulus opusque tuum est.*

Лак. Смотри-ка, Сократъ, какъ онъ, подумаешь, себя-то С. огораживаетъ рѣчью, а тѣхъ, кого всѣ признаютъ мужественными, старается лишить этой чести.

Ник. Совсѣмъ нѣтъ, Лакесь; будь спокоенъ. Я почитаю мудрымъ и тебя, и Ламаха ¹, если вы мужественны, и многихъ другихъ Аѳинянъ.

Лак. Я ничего не говорю на это, хотя бы и надлежало сказать, что бы ты въ самомъ дѣлѣ не назвалъ меня Эксонцемъ ².

Сокр. И не говори-таки, Лакесь; ты, кажется, не понялъ, D. что эту мудрость онъ заимствовалъ у нашего друга Дамона; а Дамонъ очень коротокъ съ Продикомъ, который, по видимому, лучше всѣхъ софистовъ различаетъ такія названія.

Лак. Да софисту, Сократъ, и приличнѣе этимъ хвастаться, чѣмъ мужу, которому городъ ввѣрилъ власть надъ собою.

Сокр. Однакожь, Лакесь, кто располагаетъ великими дѣлами, тому прилично имѣть и великій умъ. Миѣ кажется, Никіасъ не безъ нужды изслѣдываетъ, въ какомъ смыслѣ надобно принимать слово мужество.

Лак. Смотри же самъ, Сократъ.

Сокр. Буду смотрѣть, почтенинѣйшій. Впрочемъ не думай, что я устраню тебя отъ разговора; нѣтъ, слушай внимательно и слѣди за словами.

Лак. Пусть такъ, если это, по твоему, нужно.

Сокр. Да, нужно. А ты, Никіасъ, говори намъ опять сна- 198.

¹ Ламахъ — Аѳинскій полководецъ, участвовалъ въ сиракузской войнѣ и, не смотря на старость, почитался человѣкомъ хитрымъ. *Plutarch. Vit. Nic. C. 15. sqq. Vit. Alcib. C. 18. και γὰρ ὁ τρίτος ὁ στρατηγὸς Λάμαχος, ἡλικία προήκων, ὅμως ἐδόκει μηδὲν ἧττον εἶναι τοῦ Ἀλκιβιάδα διακτερός και φιλοκινδύνης.* Никіасъ упоминаетъ о немъ и соединяетъ его имя съ именемъ Лакеса, очевидно, желая уколоть послѣдняго.

² Лакесь, кажется, былъ родомъ изъ Эксонской дѣмы. Намеки на это есть у Свида, Стефана Византійскаго и Гарпократіона. *Anecd. Becker. T. I. p. 358.* Жители этой страны почитались людьми безстыдно злоязычными. *Schol. ad. h. l. Αἰξωνίης δῆμος Κερρόπειδος, και Αἰξωνεῖς οἱ ἐκεῖθεν, οἱ και βλάσφημοι ἐχωμφδοῦντο εἶναι· παρ' ὃ και αἰξωνένεσθαι φασι τὸ βλάσφημεῖν ὃ και ἡ Πλατωνική ρῆσις δηλοῖ.*

чала. Помнишь ли, что мужество, при самомъ вступленіи въ разговоръ, мы понимали, какъ часть добродѣтели?

Ник. Конечно.

Сокр. Но въ своихъ отвѣтахъ разумѣлъ ли ты ее, какъ часть, какъ одну изъ другихъ частей, которыя всѣ вмѣстѣ называются добродѣтелию?

Ник. Не иначе.

Сокр. Слѣдовательно ты говоришь то же, что я? А я къ мужеству причисляю разсудительность, справедливость и другое тому подобное: такъ ли и ты?

Ник. Конечно.

В. *Сокр.* Помни же, что въ этомъ мы согласились. Теперь рассмотримъ: чего надобно бояться, и на что отваживаться? можетъ быть въ этомъ отношеніи ты думаешь одно, а мы— другое. Итакъ, выслушай наше мнѣніе, и потомъ, если не примешь его, предложи свое. Мы думаемъ, что вещь которой надобно бояться, внушаетъ страхъ, а та, на которую должно отваживаться, не внушаетъ страха. Но что внушаетъ страхъ, то угрожаетъ не прошедшимъ и не настоящимъ, а будущимъ зломъ; потому что страхъ есть чаяніе будущаго зла. Не такъ ли и тебѣ кажется, Лахесъ?

Лак. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

С. *Сокр.* Вотъ же наше мнѣніе, Никіасъ: то, чего должно бояться, по нашему, есть будущее зло; напротивъ то, на что надобно отваживаться, мы понимаемъ, какъ будущее не-зло, или добро. А ты такъ, или иначе думаешь?

Ник. Такъ.

Сокр. И знаніе это называешь мужествомъ?

Ник. Непремѣнно.

Сокр. Рассмотримъ еще третье обстоятельство ¹: согласимся ли и въ немъ?

¹ *Третье обстоятельство.* Первое было то, что мужество есть часть добродѣтели; второе то, что достойное страха есть будущее зло, а не страшное— будущее добро; третье то, что знаніе каждой вещи относится ко всѣмъ временамъ.

Ник. Въ чемъ же состоитъ оно?

D.

Сокр. А вотъ скажу. Мнѣ и Лахесу кажется, что знаніе чего бы то ни было, не есть иное знаніе прошедшаго, какъ что произошло, иное знаніе настоящаго, какъ что происходитъ, иное знаніе будущаго, какъ что лучше могло бы быть произведено, или произойти, хотя еще не произошло, — но это самое. Напримѣръ, по отношенію къ здоровью, во всѣ времена нѣтъ другой врачебной науки, кромѣ одной, которая наблюдаетъ и настоящее и прошедшее и будущее, какъ, что будетъ. Тоже дѣлаетъ и земледѣліе по отношенію къ **Е.** произведеніямъ земли. Что же касается до войны, то сами можете свидѣтельствовать, что воеводство превосходно заботится и о прочемъ, и о будущемъ: оно знаетъ, что надобно руководствоваться не гаданіемъ ¹, а управлять; ибо ему самому лучше извѣстно все, относящееся къ войнѣ, — и настоящее и будущее. Да и законъ повелѣваетъ — не гадателю **199.** начальствовать надъ воеводою, а воеводѣ надъ гадателемъ. Скажемъ ли это, Лахесь?

Лак. Скажемъ.

Сокр. Чтожь? а ты, Никіасъ, согласенъ ли, что одно и то же знаніе занимается и будущимъ и настоящимъ и прошедшимъ состояніемъ всякаго дѣла?

Ник. Да, Сократъ, мнѣ такъ кажется.

Сокр. Но мужество, почтеннѣйшій, по твоимъ словамъ, есть знаніе того, чего должно бояться и на что отваживаться. Не правда ли?

Ник. Правда.

B.

Сокр. А мы согласились въ значеніи того, чего должно бояться и на что отваживаться; то-есть, первое надобно понимать, какъ будущее зло, а послѣднее, какъ будущее добро.

Ник. Конечно.

¹ Это сказано, кажется, въ насмѣшку Никіасу, который подверженъ былъ страннымъ предрасудкамъ. По крайней мѣрѣ Плутархъ (Vit. Nic. С. 13 et 24) приписываетъ ему *δεισιδαιμονίαν*.

Сокр. Между тѣмъ, одно и тоже знаніе имѣеть въ виду и будущее, и все другое.

Ник. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно, мужество есть знаніе не того только, чего должно бояться и на что отваживаться; потому что оно, подобно другимъ знаніямъ, знаетъ не одно будущее касательно добра и зла, но и настоящее, и прошедшее, и всякое.

С. *Ник.* Выходить.

Сокр. И такъ, Никіасъ, ты опредѣлилъ намъ какъ бы только третью часть мужества; а мы спрашивали у тебя, что такое оно всецѣло. Видишь, мужество есть уже знаніе не только того, чего должно бояться и на что отваживаться, какъ сказано тобою прежде, но и всѣхъ вообще благъ и золъ, какъ говоришь теперь. Такъ, или иначе, Никіасъ, измѣнилъ

Д. ты свою мысль?

Ник. Кажется, такъ, Сократъ.

Сокр. Но думаешь ли, любезнѣйшій, что тотъ скольконибудь недостаточенъ въ добродѣтели, кто знаетъ всякое добро и зло и всякимъ образомъ, какъ оно есть и было? Думаешь ли, что тому человѣку недостаетъ разсудительности, справедливости и святости, кто одинъ можетъ быть осторожнымъ въ отношеніи къ богамъ и людямъ, кто, зная какъ

Е. обращаться съ ними, умѣеть различать опасное отъ неопаснаго и пріобрѣтать блага?

Ник. Кажется, ты говоришь дѣло, Сократъ.

Сокр. И такъ, сказанное тобою, видно, есть не часть добродѣтели, а вся добродѣтель.

Ник. Выходить.

Сокр. А мы вѣдь назвали мужество частію добродѣтели?

Ник. Да, назвали.

Сокр. Между тѣмъ настоящее-то наше положеніе не то показываетъ.

Ник. Видно, что не то.

Сокр. Слѣдовательно мы не нашли, Никіасъ, что такое мужество.

Ник. Кажется, не нашли.

Лак. А я думалъ, любезный Никіасъ, что ты найдешь, когда такъ пренебрегъ моими отвѣтами на вопросы Сократа. 200. Да, я очень надѣялся, что мудрость, заимствованная тобою у Дамона, поможетъ тебѣ найти это.

Ник. Хорошо, Лакхесъ, что ты нисколько не думаешь объ этомъ дѣлѣ и, какъ недавно обнаружилось, вовсе не разумѣешь мужества; а что и я оказался такимъ же,—это видишь. Вѣдь тебѣ конечно будетъ не легче не знать вмѣстѣ со мною того, что прилично знать всякому, кто нѣсколько занимается собою. Ты, кажется, дѣйствуешь истинно почеловѣчески: смотришь не на себя, а на другихъ. Напротивъ, я думаю, какимъ бы образомъ то, о чемъ нынѣ мы довольно разсуждали, и чего достаточно не раскрыли, послѣ обдумать—или съ помощію Дамона, надъ которымъ ты позволяешь себѣ смѣяться, никогда его не видавши, или съ помощію другихъ людей. Когда же обдумую, то съ охотою поучу и тебя; потому что ты, на мой взглядъ, имѣешь великую нужду въ наукѣ.

Лак. О, ты очень мудръ, Никіасъ; однакожъ я совѣтую Лизимаху и Мелисіасу раскланяться съ тобою и со мною, когда надобно разсуждать о воспитаніи юношей, а Сократа С. не отпускать. Таковъ былъ совѣтъ мой съ самаго начала; такъ поступилъ бы и я, еслибъ у меня были взрослые дѣти.

Ник. Съ этимъ-то я согласенъ. Если Сократъ захочетъ принять на себя попеченіе о юношахъ, то не должно искать никого другаго. Вотъ и я съ большимъ удовольствіемъ ввѣрилъ бы ему своего Никерата ¹; да онъ, какъ скоро рѣчь зайдетъ объ этомъ, всегда рекомендуетъ Д. другаго, а самъ не соглашается. Смотри, Лизимахъ, послушается ли онъ и тебя-то.

¹ Никератъ, сынъ полководца Никіаса, по свидѣтельству Ксенофонта, былъ весьма коротокъ съ Сократомъ и большой любитель Омра. Онъ находится въ числѣ лицъ, разговаривающихъ въ Платоновомъ Государствѣ; только тамъ болѣе держится, по видимому, стороны Тразимаха. См. L. I. p. 327. С. Никератъ убитъ тридцатью тираннами. *Xenoph. Hellen. II. 3. 39. Lysias or. contra Poliuch. p. 602.*

Лиз. Слѣдуетъ, Никіасъ; вѣдь и я охотно сдѣлалъ бы для него то, чего не захотѣлъ бы сдѣлать для многихъ другихъ. Что же ты скажешь, Сократъ? Послушаешься ли нѣсколько и примешь ли участіе въ попеченіи о юношахъ, чтобы они вышли самыми лучшими?

Е. *Сокр.* Жестоко, Лизимахъ, не хотѣтъ принять участія въ попеченіи о комъ бы то ни было, чтобы онъ вышелъ самымъ лучшимъ. И если бы въ теперешнемъ разговорѣ я оказался знающимъ, а они незнающими, то на это дѣло конечно надлежало бы пригласить меня: но видишь, всѣ мы равно въ недоумѣніи; на какомъ же основаніи одного изъ насъ предпочесть другому? По моему мнѣнію, никто не заслуживаетъ предпочтенія. Если же такъ; 201. то смотрите, не пригодится ли мой совѣтъ. Я говорю — и мое слово не съ площади — что всѣ мы вообще должны искать самаго лучшаго учителя особенно для себя, ибо имѣемъ въ немъ нужду, потомъ и для дѣтей, не щадя на то ни денегъ, ни всего другаго; а оставаться такими, каковы мы теперь, не совѣтую. Если же кто-нибудь вздумаетъ смѣяться надъ нами, что мы въ такомъ возрастѣ посѣщаемъ В. учителей, то укажемъ ему на Омира ¹, который говоритъ: нехорошо стыдиться человѣку нуждающемуся, — и не обращая вниманія на возраженія, на пересуды другихъ, позаботимся съобща какъ о себѣ самихъ, такъ и о дѣтяхъ.

Лиз. Мнѣ нравятся твои слова, Сократъ — и я, какъ ни старъ, готовъ со всею ревностію учиться вмѣстѣ съ юношами. Смотри же, сдѣлай такъ: завтра рано приходи ко мнѣ, С. да непременно; мы посовѣтуемся объ этомъ. А теперь кончимъ свою бесѣду.

Сокр. Сдѣлаю, Лизимахъ; приду къ тебѣ по утру, если будетъ угодно Богу.

¹ Это мѣсто находится въ Одиссеѣ XVII. 347. Платонъ приводитъ его также въ Хармидѣ р. 161. А.